

П.А. Бессонов

**Константин Федорович
Калайдович**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
П11

П11 **П.А. Бессонов**
Константин Федорович Калайдович / П.А. Бессонов – М.: Книга по Требова-
нию, 2014. – 54 с.

ISBN 978-5-458-11243-7

Биографический очерк. Описание жизни и деятельности Константина Федоровича Калайдовича (1792–1832) — археографа и историка, деятельного члена Общества истории и древностей российских, одного из видных сотрудников канцлера графа Н. П. Румянцева, на средства и по инициативе которого производил поиски в архивах и библиотеках, печатал и комментировал памятники исторические и литературные.

ISBN 978-5-458-11243-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

КОНСТАНТИНЪ ФЕДОРОВИЧЪ

КАЛАЙДОВИЧЪ.

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

Константивъ Федоровичъ Калайдовичъ имѣлъ въ ученой литературѣ нашей такое обширное значеніе, что подробный разборъ сего послѣдняго необходимо повлекъ бы за собою изслѣдованіе всѣхъ важнѣйшихъ вопросовъ по Русской исторіи и филологіи, за первую третью настоящаго столѣтія. Жизнеописатель, на первый разъ, можетъ по крайности удовольствоваться изложеніемъ главнѣйшихъ событій жизни частной и служебной, имѣя въ виду разъяснить, какъ отсюда истекала, развивалась и опредѣлялась дѣятельность ученая, въ свою очередь имѣвшая вліяніе на личный характеръ Біографія этого рода тѣмъ болѣе необходима, что, по странному опущенію, въ литературѣ нашей не было доселѣ попытки собрать достаточныя свѣдѣнія о покойномъ; и тѣмъ болѣе возможна, что бумаги его сохранились въ большомъ обиліи, а преданія объ немъ живутъ въ устахъ множества его знакомыхъ и родныхъ (1).

Фамилія Калайдовичей, по преданію, вышла въ Россію изъ предѣловъ южнаго Славянства при извѣстномъ переселеніи, бывшемъ во времена императрицы Елизаветы. Въ концѣ прошлаго вѣка, въ Орловскомъ намѣстничествѣ, въ городѣ Елецѣ, находимъ на службѣ лѣкаря Федора Дмитриевича Калайдовича, изъ дворянъ. Здѣсь-то, въ 1792 году, родился у него сынъ Константинъ. Первыя начала ученія положилъ онъ въ Елецкомъ народномъ училищѣ и Кіевской академіи (2);

(1) Не можемъ безъ чувства особенной признательности вспомнить о той готовности, съ которою Н. К. Калайдовичъ, столь рано окончившій жизнь свою, сообщилъ намъ любопытныя свѣдѣнія объ родителѣ, при составленіи настоящаго очерка. Прочія, и важнѣйшія, бумаги Константина Федоровича сохранились большею частію у М. П. Погодина, которому мы обязаны болѣе всего подробностями. — Прии. 1860 г.

(2) По послужному списку.

1799 года, 9 Сентября, опредѣленъ въ гимназію при Московскомъ университетѣ, и, обучаючися въ ней на своемъ коштѣ, послѣ публичнаго испытанія, поступилъ въ студенты, 1807 года, Юля 2. Еще до того, будучи ребенкомъ, отличался уже онымъ любовью къ занятіямъ, съ отличительнымъ характеромъ особенной аккуратности и прилежанностью къ замѣткамъ, запискамъ: свойства, развившіяся столь блистательно въ послѣдующемъ археологѣ и филологѣ. Такъ, напримѣръ, оныя велъ забавный дѣтскій журналъ: «Мая 7. Курица яйцо съела. Купилъ монету царя Михайла Федоровича. Была гроза. Къ обѣду пришла бабушка» (1). Отецъ просматривалъ оригинальные опыты такого рода, смѣялся, но къ счастью не препятствовалъ продолжать. Перѣхавъ на службу въ Москву, оныя не выпускалъ сына изъ-подъ своего надзора въ тѣхъ лѣтахъ, когда это наиболѣе нужно, и даже въ послѣдующее время, когда это неслишкомъ и полезно. Не узнавъ сплхъ особенностей, мы не поймемъ многого въ послѣдующей жизни Константина Федоровича: семейныя отношенія, въ которыхъ былъ оныя воспитанъ, держались на такихъ основаніяхъ и въ такой снзп, какъ рѣдко уже встрѣтишь въ наше время. Простота ихъ, сопровождаемая ишѣшными условіями умѣреннаго быта и средняго класса гражданъ, доходила если не до суровости, то до самой крайней строгости; строгостью поддерживались въ точности всѣ обязанности, а удовлетвореніе имъ, совершаемое съ искренняымъ сознаніемъ высоты ихъ, приводило за собою довольство духа, какую-то степеньность, какую-то важность, отчасти даже напряженность, во всѣхъ отношеніяхъ, гражданскихъ и общественныхъ: характеръ, для насъ уже ишѣскольکو устарѣлый, архаическій; но, разумѣется, мы не считаемъ себя въ правѣ подполять его на свой ладъ или сглаживать въ біографіи, а потому читатель замѣтитъ его на каждомъ шагѣ. При такомъ свойствѣ, религіозность воспитанія не породила однако же узкаго аскетизма, строгость не стѣсняла свободы выбора и разнообразія направленій въ послѣдующей жпзнѣдѣтельности, ни даже того пылкаго и стремительнаго характера, который отличалъ всегда Константина Федоровича, я, послѣ выдержки семейной школы, не находилъ себѣ противорѣчія въ суровой строгости антикварныхъ занятій. Послѣдствія

(1) Подобными драгоцѣннми подробностями дѣтскихъ лѣтъ К—ча мы обязаны запискѣ одного его сверстника и сотоварища

воспитанія мы увидимъ тотчасъ же, еще на студенческомъ поприщѣ. Прежде всего, раздѣляя общее направленіе вѣка, студентъ, какъ ни былъ молодъ, хотѣлъ уже быть литераторомъ: вмѣстѣ съ старшимъ братомъ и сотоварищемъ, Петромъ Федоровичемъ, онъ занимался стихотворствомъ и издавалъ въ рукописныхъ брошюркахъ журналъ—*Русская Муза*; въ числѣ нѣсколькихъ экземпляровъ, лсточки раздавались товарищамъ, съ девизомъ, напоминающимъ Жуковского: «*для немногихъ*». Существовалъ и общій сборникъ студенческихъ произведеній: это былъ альманахъ, издававшійся въ 1807 году подъ редакціей сотоварища, Козьмы Федоровича Андреева, *Весенній Цвѣтокъ*; оба брата принимали въ немъ дѣятельное участіе. Наконецъ, въ 1808 году, отважились явиться въ публлку: по подпискѣ положили выпускать «*Русскій Критикъ*», съ эпиграфомъ: «*quod mordet, sanat*»; изъ типографіи Любія, вышелъ впрочемъ, одинъ только лстъ. Въ томъ же году паданы были: «*Плоды трудовъ моихъ, или сочиненія и переводы К. Калайдовича, М., въ тип. Рѣшетникова (8)*». За общіи образованіемъ и духомъ эпохи, выказывались между тѣмъ и личныя, оригинальныя направленія: это была страсть останавливаться передъ всякимъ достопримѣчательнымъ предметомъ, съ цѣлію сдѣлать аккуратное его описаніе для внести въ коллекцію, были ли то ископаемое, растеніе или насекомое, старинная книга и деньги, или надгробный памятникъ. Такимъ образомъ, въ самое уже первое время, было у Калайдовича собраніе замѣчательныхъ книгъ и монетъ. Но сначала брали перевѣсъ науки естественныя: онъ изучалъ минералогію, бродилъ по берегамъ Москвы рѣки, чтобы собирать разсѣяныя въ обиліи окаменѣлости, составилъ гербарій и, вмѣстѣ съ братомъ, зоологическій кабинетъ, въ картономъ большомъ ящикѣ собственной работы, подъ названіемъ: «*Collectio insectorum provinciae Mosquensis*». Занятія были столь замѣтны университету, что знаменитый профессоръ Фишеръ взялъ съ собою молодого человека въ ученое путешествіе по Московской губерніи, памятное открытіемъ, кажется, лабратора и ратовкита. Впоследствии другія дѣла заслонили, но не истребили прежнюю привязанность, и отголоски ея мы встрѣчаемъ порою среди археологическихъ изысканій. По окончаніи студенческихъ занятій (1), степень кан-

(1) Онъ слушалъ въ теченіе трехъ лтъ лекціи: языковъ—Латинскаго, Греческаго.

дидата, данная Калайдовичу 1810 года, Мая 27, «за отличное прилежаніе и таковыя же успѣхи», доказываетъ, что всѣмъ преподававшимся наукамъ удѣлялъ онъ должное вниманіе. Говорятъ, что слабѣе про-чаго былъ онъ въ наукахъ математическихъ и въ изученіи языковъ иностранныхъ; первое несомнѣнно, второе подтверждается крайнею бѣдностію иностранной бібліотеки, оставшейся послѣ покойнаго: въ ней находимъ мы большею частію только изданія Общества Испытателей природы и каталоги знаменитыхъ бібліотекъ; Латинскій реперторій, чуждый совершенно классиковъ, содержитъ только учебныя пособія, описанія монетъ и изданія университета; изъ Греческихъ книгъ Экономидъ, и т. п. Живое доказательство того, какъ, съ одной стороны, не любилъ математику, можно развить свой умъ до величайшей точности изысканій, а съ другой, не владѣя языками и не изучая въ первыхъ лѣтахъ множества грамматикъ, образовать впоследствии истинно-филологическій складъ дѣятельности: изданія Константина Федоровича представляютъ намъ образцы филологическихъ изданій Славянскихъ, тѣмъ болѣе насъ удивляющихъ, что первоначально мы не видимъ въ Калайдовичѣ записнаго филолога, не знаемъ ему указателя и предшественника на избранномъ поприщѣ, наконецъ, не предполагаемъ метода, воспитаннаго древними классиками. Издателю предстояло каждый разъ бороться со вѣтшею стороною языка и удавалось выходить изъ борьбы побѣдителемъ, не столько въ слѣдствіе необычайной точности, сколько въ силу особаго внутренняго такта, страстной любви и энергическаго стремленія къ отысканію и объясненію каждаго положительнаго факта исторіи политической, археологической, палеографической. Языкознание началъ онъ изученіемъ языка Польскаго, а въ дальнѣйшемъ поступилъ, преодолевая филологическія трудности отличнымъ запасомъ разнообразныхъ историческихъ свѣдѣній, въ половинѣ, а еще болѣе въ концѣ поприща, былъ уже однимъ изъ первыхъ знатоковъ древле-Славянскаго и Русскаго языка; то есть, онъ не запасся филологическими средствами однажды, чтобы потомъ припаравливать: онъ запасался постепенно учась, а изученіе веда объ руку со всѣми по-

Французскаго, Россійской исторіи, всеобщей исторіи и хронологіи, краснорѣчію и поэзіи, статистикѣ, умозрительной филологіи, теоріи гражданскихъ и уголовныхъ законовъ, политической экономіи, антропологіи, натуральной исторіи и сельскаго хозяйства, технологіи, геометріи, тригонометріи, алгебры.

собіемъ филологич., реальнымъ ея наукамъ, познаніемъ существенной души ея — исторіи. После университета, общественное призваніе тотчасъ указываетъ намъ на тѣ стороны судьбы, въ которыхъ Калайдовичъ особенно отличался и показалъ дарованія: въ засѣданіи 25 Ноября, 1810 года, Московское Общество Испытателей природы, подъ предѣдательствомъ графа А. Разумовскаго и директорствомъ Фишера, признало его своимъ членомъ (въ 1809 году онъ отсутствовалъ славному ученому); то же самое послѣдовало 1811 года, Сентября 19, со стороны Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, подъ предѣдательствомъ П. П. Бенетова, какъ знакъ оцѣнки его «отличной любви и ревности къ отечественной исторіи». Сотрудникомъ въ Московскомъ Обществѣ Любителей Россійской Словесности былъ онъ съ 14 Ноября 1811 года, и тогда же представлялъ сюда «Собраніе рѣчей, читанныхъ при торжественныхъ случаяхъ въ Московскомъ университетѣ, по списку съ 1755 по 1799 годъ». Чтобы не прерывать вѣтъ дальнѣйшаго изложенія, мы скажемъ здѣсь о содѣйствіи Калайдовича первому и третьему изъ упомянутыхъ обществъ. Удѣлая любобытство свое встрѣчавшимся или обнародованнымъ открытіямъ естественныхъ наукъ, онъ не принималъ, однако, дѣятельнаго въ нихъ участія со времени выхода изъ университета и обратился преимущественно къ занятіямъ историческимъ; тѣмъ не менѣе, Общество Естественныхъ Испытателей, въ собраніи 26 Октября, 1825 года, признало его своимъ ординарнымъ членомъ. Что касается до Любителей Россійской Словесности, то 1817 года, Юня 6, онъ прислалъ въ ихъ Общество, за подписью *неизвѣстнаго*, «Опытъ рѣшенія вопроса, предложеннаго въ Общ. Л. Р. Слов., о томъ: на какомъ языкѣ писана Пѣсь о полку Игоря: на древнемъ ли Славянскомъ, существовавшемъ въ Россіи до перевода книгъ Священнаго Писанія, или на какомъ-нибудь областномъ нарѣчій?» Вопросъ этотъ, надъ которымъ напрасно такъ смѣялся Граматинъ въ своемъ изданіи Слова о П. И., рѣшенъ былъ Калайдовичемъ, по времени, весьма замѣчательнымъ образомъ (1). Вслѣдъ за тѣмъ, въ засѣ-

(1) Сущность статьи его, помѣщенной въ XI части «Трудовъ» 1818 года, состоитъ въ слѣдующемъ: «1) что Пѣсь Игоревъ писанъ не на томъ Славянскомъ языкѣ, который существовалъ въ Россіи до перевода книгъ Священнаго Писанія, не на какомъ-либо древнемъ областномъ нарѣчій, или языкѣ употребляемомъ; но сочиненъ Славянорус-

данія Общества 1818 года, Октября 26, поручено Калайдовичу обработать букву З, для предполагаемаго Русскаго Словаря. Подобнымъ образомъ, впоследствии, просматривалъ онъ словарь областныхъ словъ Макарова, притомъ прочелъ и неправильнѣ букву Ъ. Въ чрезвычайномъ собраніи Мая 23, 1823 года, какъ дѣйствительный членъ, принялъ онъ на себя *филологическое и критическое изслѣдованіе Русскихъ стихотворцевъ до Ломоносова*. Наконецъ, «Сочиненія въ прозѣ и стихахъ, Тр. О. А. Р. Сл.» украшены были его статьями: «*О Бѣлорусскомъ нарѣчій*», «*О древнемъ церковномъ языкѣ*»; «*О времени перевода нашей Библии*». Соревнуя Москвѣ, и С.-Петербургское Вольное Общество Любителей Россійской Словесности, въ 1822 году, приобрѣло себѣ въ немъ члена-корреспондента. — Гораздо болѣе, однако, дѣятельность Константина Ѳеодоровича посвящена была Московскому Обществу Исторіи и Древностей: это было естественнымъ слѣдствіемъ любимыхъ занятій. Въ первые годы по выходѣ изъ университета, Калайдовичъ находилъ здѣсь важнѣйшія средства для своихъ изысканій и лучшее мѣсто для обнаруженія открытій. Потому его собственной дѣятельности и дѣятельности Историческаго Общества нельзя раздѣлять никакимъ образомъ, и мы часто должны будемъ возвращаться къ ихъ взаимной связи. — Въ теченіе 1810-го, 11-го и 12-го годовъ обнаружено было Калайдовичемъ не много, а именно: «*Извѣстіе о древностихъ Славянорусскихъ и объ Ипатіи Ѳерапонтовичѣ Ѳерапонтовѣ, первомъ собирателѣ оныхъ*. М., въ Унив. тип., 1811 (12)»; Января 4, 1812 г., въ засѣданіи Историческаго Общества читала статья: «*О смерти царя Ѳеодора Алексѣевича*»; положено было напечатать ее въ Трудахъ, но, по вышукѣ изъ типографіи, нѣкоторые члены удержали изданіе; наконецъ, въ Вѣстникѣ Европы, ч. 61, 1812 г.: «*Замѣчанія и объясненія двухъ грамотъ Новгородскихъ*».

скимъ языкомъ, подобнымъ библейскому и сходнымъ съ Русскимъ лѣтописями, грамотами и другими историческими памятниками; 2) что питическій языкъ племени Игоревой не вновь родился, но имѣлъ уже начало до ея появленія; 3) что она сочинена, по вѣрнѣйшаму, въ нѣкоторой Малороссіи, и 4) что нарѣчіе ея, изъ всѣхъ Славянскихъ, судя по нѣкоторымъ словамъ и рѣченіямъ, болѣе подходитъ къ языку Польскому». Доводы, которыми подтверждаются эти положенія, не только обличаютъ въ самомъ авторѣ значительную начитанность въ древнихъ памятникахъ и остроумное по той эпохѣ соображеніе, но по основательности своей достойны вниманія даже и въ настоящее время.

Нельзя, впрочемъ, думать, что это время проведено безъ дѣятельности: въ теченіе его археологъ зашасался свѣдѣніями, и конечно съ большими усиліями, ибо въ 1814 году онъ вдругъ является передъ нами въ полномъ уже всеоружіи приготовительныхъ свѣдѣній и даже глубокихъ знаній. Здѣсь мѣсто сказать нѣсколько словъ о характерѣ его занятій. Признавая за Калайдовичемъ необыкновенную точность знанія, совершенно отвѣчающую требованіямъ любимѣйшихъ его предметовъ—Русской археологіи, библиографіи и въ частности палеографіи, убѣждаясь въ основательности его показаній, въ силу которой почти ни одно изъ нихъ не было подорвано послѣдующими изслѣдованіями, и все вмѣстѣ составляютъ одно неразрывное и стройное цѣлое,—находятъ обыкновенно упрекъ для его дѣятельности въ недостаткѣ остроумія и быстроты соображенія, клоня все это къ снисходительному отзыву, столь любимому у насъ, о неоспоримомъ трудолюбіи, но отсутствіи даровитости. Желательно было бы, чтобы люди эти разсматривали открытія Калайдовича не порознь, а все вмѣстѣ: тогда увидали бы они огромную сумму положительныхъ фактовъ, стоящихъ между собою въ такой связи и послѣдовательности выводовъ, которая доселѣ возможна только еще при изученіи вѣдшей природы, въ наукахъ естественныхъ. И если для исторіи всегда будетъ одною изъ возжелѣнныхъ (хотя и не единственныхъ) цѣлей—приближеніе къ ясности и положительности современныхъ наукъ о природѣ вѣдшей, то, конечно, дѣятельность Калайдовича, показавшая намъ въ извѣстной мѣрѣ возможность подобнаго успѣха, будетъ выражать собою не только даровитость, но даже въ извѣстной мѣрѣ гениальность. Тогда мы будемъ судить объ учености по методу естествоиспытателей; въ массѣ плодотворнѣйшихъ разысканій и открытій, едва вмѣстимыхъ въ двадцать лѣтъ человеческой жизни (1810—1832), увидимъ величайшую быстроту умственной дѣятельности; остроуміемъ же ученаго будемъ называть не блестящія вспышки отвлеченныхъ идей, а способность отыскивать неизвѣстныя дотолѣ дороги къ открытію, объясненію, различенію, опредѣленію и соотношенію положительныхъ фактовъ; гениальность будемъ усматривать не въ томъ напорѣ мыслей, который иногда ложною своей энергіей скрываетъ недостатокъ прочной основы и опоры, а въ тѣхъ плодотворныхъ началахъ разума, который въ глубинѣ и за поверхностію фактическихъ выводовъ живутъ скрытою жизнью внутренняго согревающаго огня, подобно гражданамъ

благоустроеннаго общества, не выдающимся угловатыми поступками, но создающимъ теплѣе его благо.

Занятія находили практическое приложеніе въ службѣ. Отъ самаго выхода изъ университета, въ теченіе слѣдующихъ двухъ лѣтъ, что приходится въ 1810, 1811 и 1812 годахъ, обучалъ онъ, въ Университетской академической гимназій, Россійской исторіи и географіи по собственному желанію, безъ жалованья и въ то же время училъ тѣмъ же предметамъ въ Университетскомъ благородномъ пансіонѣ; кромѣ того, въ 1811 году и до половины 1812-го, въ теченіе полутора года, читалъ, по назначенію университетскаго совѣта, лекціи Россійской исторіи для чиновниковъ, обвѣстныхъ гражданскою службою (1).

Юля 30, 1812 года, объявленъ былъ указъ объ омовленіи. Не до мирныхъ уже было занятій: оставивъ на время университетскую службу, Калайдовичъ явился съ готовностію ратовать за отечество, приплыть, и пѣз государственныхъ чиновниковъ 12-го класса переименованъ въ подпоручики. Какія чувства одушевляли его въ это время и какъ связывались они съ любимыми занятіями жизни, всего лучше увидимъ пѣз слѣдующаго письма, отираваденнаго къ С. Н. Глшкѣ, когда послѣдній собиралъ воспоминанія и матеріалы о двѣнадцатомъ годѣ: «Милостивый государь Сергій Николаевичъ! Почтеннѣйшимъ письмомъ нашимъ ко мнѣ, отъ 15 Ноября текущаго года, вамъ угодно требовать отъ меня объясненія на то, что мнѣ извѣстно по моимъ сношеніямъ съ вами въ 1812 году. Съ удовольствіемъ исполняю ваше желаніе, повторяя теперь на бумагѣ тѣ же чувства искренней къ вамъ признательности, которая осталась во мнѣ неизмѣнными съ того славнаго для Россіи времени, когда святая любовь къ престолу и отечеству, согрѣвавшая душу, сблизила меня съ вами, съ вами, котораго еще съ юныхъ лѣтъ я привыкъ почитать какъ достойнаго нашего писателя, а еще болѣе какъ патріота и человека добродѣтельнаго. — Еще до 1812 года, не имѣя отъ роду 20 лѣтъ, я былъ избранъ дѣйствительнымъ членомъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ. Съ тѣхъ поръ я часто бесѣдовалъ съ своимъ наставникомъ, несравненнымъ профессоромъ Романомъ Федоровичемъ Тимковскимъ; не разъ повторялъ съ нимъ оныя достопамятныя слова Залевковыхъ законовъ: «а да не возлю-

(1) Аттестатъ и послужной списокъ.

бигъ никто чужаго града болѣе своего отечества, и да не подвергается чрезъ то гнѣву отечественныхъ боговъ; такое помышление есть уже начало вѣдѣны »». Съ какимъ-то особеннымъ чувствомъ, для меня въ то время еще непонятнымъ, читалъ вашъ Русскій Вѣстникъ: *я тогда учился исторической критикѣ у великаго Шлецера въ его Песторь, а у васъ—святой любви къ отечеству.* Еще много, много я обязанъ и тогдашнему достопочтенному нашему председателю, Платону Петровичу Бекетову; несравненно болѣе—исторіографу Карамзину. Онъ тогда жилъ въ Москвѣ и писалъ Исторію отечества. Я часто ходилъ къ нему: онъ меня любилъ; всегда укрѣплялъ на томъ пути, на который я не смѣлъ и не могъ еще стать прочною ногою. Полный любовью къ славы Россіи, вопрошатель и судія давно почившихъ, окрилялъ онъ мою душу святымъ восторгомъ и къ пылу юности приливалъ огня божественнаго. О время незабвенное! О воспоминанія сладостныя! Вы не умрете и тогда во мнѣ, когда маниемъ Промысла, по общему закону для земнородныхъ, я совлекусь мертвенной оболочки.—Въ 1811 и 1812 годахъ я училъ Россійской исторіи въ Благородномъ пансіонѣ и въ Университетской гимназіи; въ самомъ университетѣ читалъ лекціи Россійской исторіи для чиновниковъ, гражданскою службою обязанныхъ, и занимался издашемъ Русскихъ Досгонамностей, въ то время, когда престолу и отечеству угрожало бѣдствіе немощное. Я не могъ быть зрителемъ равнодушнымъ. Чтеніе высочайшихъ манифестовъ, реліцій дѣйствующихъ армій, *восклицанія патриотовъ, въ томъ числѣ и ваши,* зрѣлища историческія, все это, соединившись вмѣстѣ, въ одно и то же время, уже *рѣшило мое намѣреніе.* — Въ Іюль, какъ ангелъ утѣшитель, явился царелюбивой Москвѣ Александръ Благословенный. Монархъ былъ во дворцѣ. Молебное пѣніе за спасеніе престола и отечества, колѣноупреклошенія тысячи вѣрныхъ подданныхъ, великодушные порывы пожертвованій, приносимыхъ въ жертву отечеству дворянствомъ доблестнымъ и купечествомъ именитымъ, и неоцѣненные слезы ангела кротости, залогъ его теплой любви къ подданнымъ,—все это воспламенило меня до сладостной готовности умереть за царя и отечество. *Во дворецъ я васъ видѣлъ и слышалъ ваши призывы къ ополченію за вѣру, царя и отечество.*—Я записался подпоручикомъ въ Московскую Военную Службу, изъявивъ желаніе служить до окончанія священной брани внутри имперіи. *На утрен-*

ней заръ 13 Іюля вы меня постыли въ принадлежавшій покойному моему родителю долъ... Вы мнѣ предлагали тогда въ пособіе деньги и сукно; я отказался отъ первыхъ и взялъ послѣднее. Сукномъ вы надѣлили и двухъ моихъ товарищей.—Карамзинъ въ это время жилъ въ 30 верстахъ отъ столицы, въ селѣ кн. Вяземскаго, Астафьевѣ. Я нетерпѣливо желалъ его видѣть до моего отъѣзда въ армію. На лицѣ его я прочелъ нѣкоторое уныніе, соединенное съ надеждою несомнѣнною. Исторіографъ унялъ меня на цѣлый день; прощался со мною заплакавъ и сказалъ: *если бы я имѣлъ взрослого сына, въ это время ничего не могъ бы пожелать ему лучшаго*».

Съ этого времени въ жизни Константина Федоровича вступаетъ эпизодомъ особенная эпоха, продолжавшаяся въ теченіе года, до Іюля 1813.

—

Августа 2, 1812 года, явился онъ въ 5-й пѣший козачій полкъ Московскои Военнои Силы, состоявшій подъ командою подполковника Кропотова 1, подъ начальствомъ шефа графа Санти, и во время формировація находился въ Коломнѣ. Здѣсь получилъ Калайдовичъ нѣсколько писемъ отъ отца, молитвою и родительскимъ благословеніемъ поддерживавшаго геройскую рѣшимость сына: «Мужайся, и да крѣпится сердце твое о Господѣ (отъ Авг. 9)!» «Помни заповѣди Господни и будешь сохраненъ Пяъ во всѣхъ путехъ твоихъ (отъ Авг. 16)!» Какъ подпоручикъ, получилъ Калайдовичъ въ распоряженіе 1-го баталіона 2-ю сотню, съ прикомандированными двумя офицерами, и въ короткое время пріобрѣлъ любовь подчиненныхъ, о чемъ часто упоминаеть въ письмахъ: «Они знали меня, и самъ хорошо зналъ ихъ, служилъ для нихъ съ усердіемъ.» Въ половинѣ Августа выстушили въ походъ; путь былъ на Подольскъ; отъ Подольска поворотили къ Вереѣ, дабы форсированнымъ маршемъ скорѣе поспѣть къ Можайску. Подъ нимъ начались уже военные дѣйствія, слышенъ былъ пушечный громъ; съ разсвѣтомъ пришли къ Бородину, чтобы быть свидѣтелями событіи того дня, который Французы называли днемъ суда Господни. Армія ретировалась, ошолченіе было разкассировано подъ Москвою по полкамъ, и Калайдовичъ съ своею сотнею достался Нижегородскому пѣхотному полку, 26-й дивизіи генерала Паскевича, 7-го корпуса